

ЛИЧНОСТЬ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ

В.В. Корнильев

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА РЕАЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Понятие «влечение» в психоанализе утрачивает свою универсальность. Для описания более абстрактных особенностей психики необходимы другие термины. Предлагается понятие «принцип психического события». Некоторые черты догенитальных характеров также имеют неоднозначный смысл. Рассматривается генезис принципа реальности в конфликте с принципом удовольствия. Конфликт принципов оказывает значительное влияние на формирование догенитальных характеров, сформулировано несколько замечаний о возникновении и развитии религиозного чувства и религий. В связи со своими функциями, сформированными с принципом реальности, сознание продуцирует влечение к смерти. Рассматривается влияние конфликта принципов психических событий на творческое развитие. Искажения в процессе становления принципа реальности, вероятно, могут стать причиной психиатрических заболеваний в частности шизофрении, аутизма. Делаются потенциальные замечания к педагогическому и воспитательному процессу, к работе с личностями с суицидальными наклонностями.*

***Ключевые слова:** педагогика, религия, характер, развитие, творчество, отрицание, смерть, принцип, влечение, психоанализ.*

Введение

Прикладной психоанализ в данное время развивается и использует теории, техники и методы различных психоаналитических направлений, которые за годы существования психоанализа как мирового направления психологии, постепенно дифференцировались, предлагая свои теории развития и интерпретации психических фактов. Некоторые авторы предлагали принципиально отличные от классической концепции развития. Теория Эрика Эриксона принадлежит к числу социальных теорий развития, основополагающим фактором развития в ней был выделен процесс социализации, использующий набор модусов, способностей, реализуемых посредством различных органов, в том числе и тех, которые содержат либидозную энергию. Карл Гюстав Юнг создал теорию об архетипах, практически исключаящую из обозрения феномен сексуальности. Социальная типология характеров, основным фактором развития которой является способ и опыт жизни общий для определённой группы людей, принадлежит Эриху Фромму. Сохраняя основные предположения относительно структуры и взаимодействия элементов структур психики, авторы этих теорий и многие другие предлагали иные суждения относительно

факторов, оказывающих решающее воздействие на функционирование и развитие этой структуры. Иные авторы продолжали развивать и расширять классическую концепцию основателя психоанализа З. Фрейда, используя в качестве основы положение о либидо как о базовом и единственном влечении, предопределяющем развитие человека. Так, например, теория объектных отношений Мелани Кляйн предлагает дополнительные пути анализа поведения ребёнка, не изменяя положения о базовом сексуальном влечении. В таком же направлении продолжали работать В. Райх, А. Фрейд, С. Шпильрейн и другие, разрабатывая постепенно различные новые методы и подходы диагностирования и терапии.

В момент зарождения и становления психоанализа именно положение о фундаментальном значении сексуального влечения вызвало предосудительную реакцию многих учёных, как в области психиатрии, так и психологии. Сексуальным влечением З. Фрейд объяснил всё множество проявлений в активности исключительно «человеческого» и нечеловеческого в том числе. И несмотря на то что, в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» учёный аргументировал предположение такого рода, исходя из «формулы чьё утверждение, является непротиворечивым и только поэтому доказывающим саму себя» (по выражению Гёде-

ля Курта) о том, что всякая энергия стремится к статичному и упорядоченному существованию, он всё равно не избежал множественной критики. На основе этой «аксиомы» был сформулирован и принцип удовольствия, ставший краеугольным камнем развития психики. Однако акцент интерпретаций психических явлений человека делается именно на сексуальном влечении, ибо единственно оно, по мнению З. Фрейда, имеет отношение к реализации принципа удовольствия. В основанной им теории ничто не имеет возможности непосредственно воздействовать на функционирование и развитие психической структуры. Влияние осуществляется только опосредованно, через либидозную энергию. Также и влияние на окружающий мир осуществляется только опосредованно, через энергию сексуального влечения, дающую влечениям реальную возможность направлять человеческую деятельность.

Это негласное правило определило критическое отношение к классическому психоанализу и дистанцировало классический психоанализ от других непсихоаналитических теорий развития. Негативный эффект был сразу подмечен и во многом устранён новыми психоаналитическими теориями, однако не исчерпан. Используя в качестве основы развития влечения различных качеств, учёные, тем не менее, не определяют всесторонне развитие человека. Это наводит на предположение, что влечение или потребность не всегда является достаточно удобной категорией для интерпретации развития, объяснения его направления и качества. Мелани Кляйн, например, в работе «Роль школы в либидозном развитии ребёнка» имела возможность найти источник конкретных проблем мышления и обучения, следуя концепции психоанализа, ориентированной на доминирование либидо в развитии, и успешно устранить проблему. Однако сделать какие либо общие выводы об интеллектуальном развитии, исходя из динамики влечений, сложно. Преимущественно обозначается только фиксация развития, тормозящая соответствующий психической зрелости уровень развития.

Возможно, категорией для интерпретации является принцип психики, ибо он оказывает существенное воздействие на любые влечения и может быть динамичен в своём существовании. Возможность более точно и целостно интерпретировать ход развития человека влечёт за собой новые, дополнительные к уже существующим, пути анализа человеческого поведения, его прогнозирования в

развитии и реализации достигнутого. Также появляется дополнительная возможность предупредить различные негативные варианты развития человека, так как новая интерпретация может прояснить и выявить дополнительные особенности взаимодействия психических структур. В данной работе целью является последовательный анализ симптомов и особенностей определённого возрастного периода и соответствующего ему характера с попыткой интерпретации, в основе которой лежит принцип удовольствия и формирование принципа реальности в соответствии с классической психоаналитической теорией.

Попытка связать каждые по отдельности, выделенные в различных психоаналитических течениях, базовые влечения и потребности с данными принципами и описать их взаимодействие является намного более масштабной и, вероятно, малопродуктивной до установления величины той роли, которую оказывают обозначенные принципы на развитие психического. Исследованию значения этих принципов было выделено достаточно труда как З. Фрейдом, так и многими его последователями, в частности Рене Шпицем, чья работа будет задействована в анализе вопроса. Однако выделяя данный феномен, учёные преимущественно ограничивались обозначением того эффекта, который впоследствии, возможно, задаёт направление и темп развития. Сформулировав и составив список психических новообразований в связи с возникновением принципа реальности, З. Фрейд в работе «Положения о двух принципах психического события» не предполагает и не исследует возможное значение процесса становления и утверждения принципов. Здесь же, и в других работах, негласно подразумевается остановка и фиксация в установлении соотношения двух принципов в жизни ребёнка в момент закрепления его характера. Другие авторы говорят о принципе реальности в связи с формированием человеческого Я. При таком рассмотрении процесс принятия принципа реальности также понимается как завершённый в определённом соотношении этап формирования структуры психики. Иначе говоря, симптомы характеров не имеют прямой связи с существованием указанных принципов, а выражают их только косвенно, через реализацию.

Приступая к исследованию, во избежание абсолютизации отметим, что в сложившейся действительности, на практике, всегда применяется не одна теория, а синтез нескольких, не кардинально отличных друг от друга теоретических

систем. Поэтому новые интерпретации, по всей вероятности смогут только укомплектовать и упростить прикладной анализ, но в теоретическом плане такие разработки могут усовершенствовать понимание структуры психики, внести новые предположения.

1. Область и предмет исследования

1.1. Предположительная модель исследования. Первый этап модели

Исследование охватывает возраст ребенка примерно от двух-трех месяцев до 2-2,5 лет. Этот период охватывает жизнь ребёнка от начала его первых трудностей взаимодействия с миром и до принятия с последующим соблюдением социальных норм, а именно соблюдению определённых правил: гигиены, чистоты и порядка. Этот период соответствует частично первым двум стадиям психосексуального развития (оральной и анальной) и затрагивает начало третьей (фаллической) стадии развития. Известным образом у ребёнка в этот период интенсивно развиваются моторика, ощущения, восприятие, формируются необходимые паттерны движения для взаимодействия с миром предметов и развивается навык речевого общения, коммуникации универсального применения (замена автономной речи). Эти направления развития поддерживаются и стимулируются как действиями ребёнка во взаимодействии с окружающим миром, так и целенаправленным влиянием родителей.

Всё приобретаемое в этом возрасте необходимо ребёнку не только для принятия, но и для формирования принципа реальности и выражения отношения к нему. На втором-третьем месяце жизни ребёнка происходит осознание им первых существенных ограничений, когда, пытаясь взаимодействовать с миром предметов, он испытывает определённые трудности, что приводит к формированию его физического Я. Этот же момент правильно считать моментом начала становления принципа реальности. Однако становление принципа необходимо разделить на два, существенно различных по своей важности для ребёнка, этапа. И если начало становления (начало 1-го этапа) соответствует с формированием физического Я, то формирование психического Я не будет соответствовать началу второго этапа т.к. в нём не наблюдается какого либо существенного, а главное, качественно нового ограничения в действиях ребёнка. Формирование психического

Я происходит приблизительно на 8-м месяце жизни ребёнка, когда его либидо объективируется на конкретного человека, укрепляется духовная привязанность и взаимосвязь ребёнка и либидозного объекта. Необходимо отметить, что с этого момента у ребёнка происходит своеобразное удвоение реальности.

Для удобства мы предположим модель формирования двух фундаментальных ощущений: «мир без матери» (или просто «мир») и «мир с матерью» (или просто «мать»). Т.к. принцип удовольствия ещё в более полной мере доминирует над мировосприятием ребёнка, чем у взрослого человека, ребёнок не нуждается и не испытывает потребности в том, чтобы, например, в присутствии и во время взаимодействия с матерью распространять своё внимание на окружающий мир. В отсутствии же матери получение удовольствия, естественным образом переключается на «мир», где в силу ограничений как внешних, так и внутренних, происходит менее интенсивно. Именно поэтому, здесь нельзя не обойти замечание о том, что в отсутствии матери ребёнок может проявить крайнее недовольство, протест, впасть в депрессию, уныние и проч. Дж. Боулби объясняет этот эффект формированием сильнейшей привязанности к либидозному объекту ребёнка, возникающей в процессе постоянного контактирования в котором выражается любовь и забота матери о ребёнке. Однако, если предположить действительное разделение мировосприятия ребёнка на две реальности: «мир» и «мать», мы увидим, что качественное различие между ними заключается в отсутствии ясно сформированных ограничений к получению удовольствия в мире «мать» и наличие сформированных и достаточно изученных самим ребёнком ограничений к получению удовольствия в мире «мир». Таким образом, ребёнок «выбирает» между двумя реальностями, которые, вполне возможно, и не связываются четко в его сознании. То есть ребёнок «предпочитает» оставаться в реальности «мать» т.к. он не испытывает в ней воздействия принципа реальности. И несмотря на то, что ограничения в реальности «мир» доставляют ему по мере развития всё меньше и меньше неудовольствия и препятствий, ребёнок естественным образом предпочитает мир без ограничений в процессе получения удовольствия.

Вероятно до возникновения сознательной связи между «мир» и «мать» ребёнок воспринимает их смену, переключение отрывисто и внезапно. Это,

надо предположить, и является причиной определённого рода фрустрации у ребёнка при уходе матери. Связывание же двух миров между собой происходит постепенно. К стимулам возникновения связи такого рода можно отнести множество вещей. Сам процесс многократного переключения, вероятно, оказывает наибольшее воздействие. Но также можно выделить процесс когда мать раз за разом в своём присутствии развлекает ребёнка, доставляет ему удовольствие с помощью посторонних предметов, возникновение посторонних людей, вызывающих чувство тревожности у ребёнка, наличие определённых идентичных качеств или особенностей между воспринимаемыми реальностями (например временные соответствия). Резкое же переключение на осознание взаимосвязи «мать» и «мир» не осуществляется, по-видимому, из-за того, что ребёнок, находясь в реальности «мать» воспринимает как либидозный объект всё, что доставляет ему удовольствие в присутствии родителя, и мать, использующая игрушки или музыку, воспринимается как один с ними объект. Лишь постепенно, благодаря, вероятно, определённым примечаниям со стороны ребёнка, обусловленным развитием психических познавательных процессов, осуществляется осознание взаимосвязей двух реальностей.

Возникновение этих взаимосвязей впоследствии станет основой «смягчения капризов» относительно того, в какой реальности пребывать. Возникают переходные объекты, как неодушевлённые, так и одушевлённые. Предпочтение к миру «мать» без ограничений остаётся для ребёнка идеальным, но вместе с тем он начинает постепенно осознавать ограниченность и этой реальности.

Тем не менее, завершение процесса осознания взаимосвязи двух ранее разорванных реальностей и признание ограниченности обеих, точки зрения получения удовольствия, не является началом того второго этапа в становлении принципа реальности, который необходимо обозначить. Ибо он определяется не объектом (в данном случае реальностью), которую он ограничивает, а новым качеством ограничения. Пока что в обоих случаях ограничения являются объективными, их источник — окружающая реальность. И так как при формировании физического Я ребёнок уже испытывал ограничивающее воздействие такого рода, на тот момент так же к миру, который для него являлся идеальным, с точки зрения принципа удовольствия, то повторное влияние не оказывает на психику радикального воздействия.

1.2. Второй этап модели

Второй этап становления принципа реальности отличается от первого не только качеством ограничения, но и психической ситуацией, заключающейся в том, что к этому времени в психике уже выделяется, такой элемент структуры, как сознание. Это также покажет необходимость разделения становления на два этапа. Начало второго этапа заключается в приучении ребёнка к правилам гигиены и порядку. Теперь ребёнка принуждают к определённым способам удовлетворения своих потребностей в принятии пищи, испражнении, прививаются временные ограничения и проч.

Ребёнок же, обладая сознанием, начинает улавливать некоторые расхождения и особенности этих новых ограничений. Во-первых, то, что две, ранее жестко разделяемые реальности, раскрыли ребёнку свои взаимосвязи, не свидетельствует об их синтезе в одну общую реальность, в котором ограничение со стороны «мира» было бы приравнено к ограничению со стороны «матери». И ограничение нового типа создаёт у ребёнка ощущение чужеродности и реакцию отторжения. Ведь единственно со стороны матери препятствий к удовлетворению потребностей никогда не возникало. Хотя, разумеется, можно предположить, что у ребёнка уже в этом возрасте возникает некое расплывчатое ощущение субъективного и объективного, но тогда необходимо проследить развитие этих ощущений и к тому же эффект чужеродности потеряет часть своей силы т.к. источник ограничения по природе своего происхождения будет уже чем-то родственен ребёнку. Поэтому такое рассмотрение в данном контексте не целесообразно.

Во-вторых, обладая определённым уровнем развития сознания, ребёнку не удастся наблюдать аналогий между ограничениями, которые возникают из взаимосвязей двух реальностей, и теми, что возникают только в реальности «мать». Продолжает развиваться ощущение чужеродности и реакция протеста относительно этих ограничений. В-третьих, само наличие сознания обуславливает возможность существования реакции протеста, ибо в момент формирования физического Я такой реакции может не наблюдаться т.к. человек, вероятно, и не в состоянии оценить ситуацию и хотя бы сформировать отношение к ограничению, не смотря на то, что оно и является жизненно необходимым.

Таким образом, мы пришли к выводу что, протест, возникающий в поведении ребёнка с момента начала его гигиенического и социального воспита-

ния, кроется не только в самом возникновении препятствий к получению удовольствия или попытках манипуляций, как это обозначил З. Фрейд, говоря об анальной стадии развития, но и в динамике установления принципов реальности и удовольствия и их качественного выражения.

Интересное замечание заключается в том, что Р. Шпиц интерпретировал протест такого рода как формирование «самости» в позиции ребёнка, в то время как выше развиваемая трактовка говорит о старательном бегстве от этой «самости». Однако теория Р. Шпица является и параллельным подтверждением исследуемого вопроса т.к. автор также уделяет всё большее внимание процессам сознания в трактовке паттернов поведения в отличие от классического психоанализа.

1.3. Отрицание. Способ и функция

Следующим необходимым моментом исследования является способ выражения протестов в исследуемом возрасте. Особенно важным для нас является моторный компонент отрицания. Р. Шпиц произвёл детальный анализ формирования жеста «нет» у ребёнка. Он выяснил, что его основой является укореняющее движение свойственной ребёнку с момента рождения, которое он использует сначала для захватывания материнского соска, затем невротически оно может развиваться в цефалогорические движения, в благоприятном же варианте ребёнок, не обладая другими моторными навыками, пытается таким же образом (укореняющим движением) избежать соска, отрицая кормление, и в конечном итоге, путём идентификации с матерью, укореняющее движение приобретает смысловое значение отрицания. Однако для нас важен не только момент осознания самой способности отрицать, но и предмет отрицания, негативного отношения ребёнка, а также кому адресовано отрицание. Отрицательные действия ребёнка, если мы их относим к тем, что направлены против второго этапа формирования принципа реальности, должны сочетать в себе все эти качественные особенности и основываться на имеющемся уровне психического и физического развития.

Смысловой жест «нет» по наблюдениям психоаналитиков формируется приблизительно к 15 месяцу жизни человека. К этому моменту ребёнок может осознанно отрицать или подтверждать определённые события или явления. Каким же образом отразится на этом та сфера деятельности, которая отрицается? Источником протеста в этом возрасте у ребёнка является принудительное при-

учение к порядку и чистоплотности. В сознании ребёнка эта сфера должна выделиться как особый род деятельности, как специфический уровень взаимодействия со взрослыми. В принципе, З. Фрейд, говоря об использовании ребёнком своих сфинктеров для манипулирования взрослыми, уже выделил этот род деятельности как особенный, однако понимание взаимодействия как манипуляции является слишком узким. Это сфера не только манипуляций, а всестороннего контакта ребёнка со взрослым, ибо дитя, воспринимая этот новый вид воздействия и принуждения (в сравнении с прежними ограничениями от формирования физического Я), естественным образом формирует ответные реакции в этой же сфере деятельности. То есть, при наивысшем (на этой стадии развития) уровне взаимодействия, ребёнок если и намерен что-то доказать, отрицать, осуждать и вообще контактировать со взрослым «на равных» он будет делать это именно в сфере порядка, гигиены и проч. Ибо воздействие взрослого на ребёнка как на субъект осуществляется изначально именно в этой сфере.

Эта же сфера деятельности, по-видимому, будет являться и той, где будет выражаться протест к принятию принципа реальности на его втором этапе, адресованный матери или другому либидозному объекту, формирующему ограничения определённого смысла, относящиеся к порядку и гигиене. Вместе с тем ребёнок вынужден подчиняться воле родителей и выполнять предъявляемые требования. Всё это должно гипотетически сформировать специфический образ деятельности, деятельности, выражающей это противоречие. Обратно действие должно выражать отрицание в тех способах, которые ребёнок освоил и реализацию установленных правил.

Для лёгкости ориентирования можно описать отрицание ребёнка в терминах широкой семантики как набор колебательных движений направленных на избегание воздействия. Основным таким движением является отрицательное мотание головой, которое, по мнению Р. Шпица, также может выражать регресс к более удовлетворительным состояниям ребёнка (момент кормления). Именно так он объясняет возникновение цефалогорических движений у эмоционально депривированных детей. Однако, перед тем как продолжить, стоит определить, есть ли у динамично и гармонично развивающихся детей потребность в такого рода сочетаниях и ухищрениях. Есть ли определённый критерий, который количественно

выразит остроту вопроса на втором этапе формирования принципа реальности? Ведь симптомы, рассматриваемые в дальнейшем, вполне могут находить аналогичные поведенческие особенности и вне патологического развития, которые будут свидетельствовать просто сам факт прохождения этого этапа развития.

Решением в этом вопросе, вероятно, послужат многочисленные теории развития, все как одна утверждающие необходимость меры и правильных пропорций в любых аспектах воспитания. Для наглядности можно привести феноменологию привязанности в работах Дж. Боулби, утверждающую то, что залогом успешного развития взаимоотношений матери и ребёнка является не только, ласка и теплота ухода, но и гармоничное чередование разлуки с присутствием для активного энергетического цикла расслабление-напряжение. Трудно утверждать, хотя, несомненно, возможно, что объяснение такого рода применимо и к исследуемой теме. Большую роль здесь может играть и феномен доверия к окружающей реальности и непредсказуемая фантазия ребёнка, а по всей видимости и синтез всех этих аспектов. Здесь удобнее на время оставить результат нормального развития и перейти к рассмотрению патологий, соответствующих данному периоду жизни (а именно анальному характеру), т.к. ища динамическое выражение отрицания принципа реальности, мы по умолчанию говорим о незавершенности становления этого принципа и соответственно патологическом развитии личности.

2. Исследование патологии: новые интерпретации

2.1. Классическая интерпретация и замечания

Анальный характер возникает благодаря фиксации человеческого развития в момент пребывания либидозной энергии в анальной эрогенной зоне. В связи с таким генезисом определяется возникновение и интерпретируются все черты человека анального характера. Жадность, самообладание, угрюмость, замкнутость, нарциссизм, компульсивность, конформизм объясняются стремлением к удержанию энергии в теле, то есть в области ануса, что было стимулировано желанием неподчинения матери и удержанием каловых масс, что одновременно доставляло удовольствие ребёнку в связи с нахождением либидозной энергии в области ануса. Параноическое стремление

к чистоте, порядку, педантичность выражают соответствующие возрасту фиксации на определённых жизненных аспектах важных в то время для ребёнка. Тревожность и стыдливость основывались на противоречии в оценке ребёнком акта испражнения как приятного и оценке взрослых как неприличного.

Однако на наш взгляд существует ряд особенностей среди черт этого характера, которые трудно поддаются интерпретации с позиции доминирования сексуального влечения. Такие качества, как любовь к торжественности, официальной вышкolenности событий не имеют очевидной причины в психосексуальной интерпретации т.к. если педантичность, параграфность можно представить как крайнее стремление к порядку, то любовь к торжественности нельзя объяснить таким же образом. Кроме того, стремление к чистоплотности также имеет ряд интересных особенностей. Оно не проявляется при любых возникающих возможностях, а в некоторых отношениях (позже мы укажем почему) человек анального характера может оставаться не то что бы абсолютно не порядочным, но как минимум не выразит не малейшей интенсивности в стремлении. Наблюдения показывают, что сам процесс, например, наведения порядка должен содержать определённый моторный элемент, который можно охарактеризовать как циклический. Многократное переставливание, упорное трение, вазюкание, кромсание, натирание, пересчитывание путём перекалывания, сортирование и любое другое повторяющееся действие является неотъемлемым компонентом в отношении гигиены и порядка. Именно к такому характеру и манере совершаемых действий анальный человек тяготеет и получает от них удовольствие.

Здесь же необходимо отметить, что такая черта как разрушительность и стремление к уничтожению в интерпретации черт с помощью либидозной энергии несколько противоречит в своей одновременности любви к порядку, но в ней же (разрушительности) наблюдается отмеченный характер циклического, монотонного движения. В добавлении необходимо сделать замечание относительно компульсивности и скупости анального человека, его любви к удержанию каловых масс и проч. Является очевидным, что в этих чертах доминирующее значение является акт отрицания, но не получения удовольствия. Ведь согласно классической концепции, биоэнергетическое удовольствие организм получает лишь при разрядке после интенсивного напряжения, что отсутствует

в случае анального характера и, возможно, указывает на символическое его значение.

Конечно, в случае последних двух замечаний особенных противоречий не наблюдается, их вполне выразил и объяснил К. Абрахам в своих работах, разделив анальный характер на опорожняющий и удерживающий. Однако в совокупности с первыми двумя особенностями последние вполне могут послужить материалом для гипотезы, которую теперь можно выдвинуть и проанализировать. Мы предполагаем, что подавляющая часть черт анального характера имеет двойственное основание одно из которых базируется на акцентуации либидозной энергии в области ануса, источником которой является непосредственно бессознательное, и изначально сознательным выражением отрицания принципа реальности, формирующимся на 2-м году жизни ребёнка, и попыткой регресса, которое (отрицание) в случае неразрешения вытесняется и закрепляется бессознательным катексисом порождавшим это отрицание исходя из принципа удовольствия.

2.2. Предполагаемая интерпретация

Для обоснования предположения нам потребуется соотнести специфику пристрастий анального характера с обозначенной нами необходимостью наиболее полноценного выражения своей позиции и взаимодействия ребёнка и взрослого в сфере чистоты и порядка. Мы обратили внимание на то, что потеря возможности жить исключительно по принципу удовольствия окончательно разрушается внезапными для ребёнка препятствиями и требованиями со стороны либидозного объекта, характер этих требований задаёт ребёнку область взаимодействия со взрослым связанную с «притеснением» принципа удовольствия. Далее было отмечено, что моторика действий анального характера носит специфический характер: пристрастие проявляется к колебательным и циклическим, повторяющимся движениям. Движения такого же рода, по замечанию Р. Шпица, используются детьми, во-первых для отрицания, во-вторых для психического регресса, а точнее для галлюцинаторного воссоздания акта кормления. Движения вокруг саггитальной оси позвоночника являются также основой для цефалогорических движений, которые так же интерпретируются как галлюцинаторное удовлетворение или регресс.

Становится вполне очевидным, что действия анального характера имеют своей целью не параноическое стремление к порядку и чистоте,

которые, как уже отмечалось, могут нарушаться, а синтез желания отрицать и той области действий в которой, как кажется ребёнку, его отрицание может быть эффективным. Длительное скабление, трение, многократное складывание — все эти движения по «геометрии» движения соответствуют отрицательному мотанию головы или иному движению спонтанной активности ребёнка. В действиях такого типа человек анального характера получает удовольствие не от наведения порядка и соблюдения чистоты, что для него является изначально как раз неприятным и бессмысленным, а от демонстрации отрицания и мнимого удовлетворения от кормления. Более того, по завершению какой либо деятельности, человек получает дополнительное удовлетворение от того, что ему удалось «доказать» своё «всемогущество», утраченное им в процессе ограничения правилами и требованиями, тем, что порядок наведён и всё устроено как он старался и трудился, удовлетворение от того, что он создал нужную реальность. Выражение лица человека анального характера выражает это довольно явственно: «Теперь всё как надо». Примерно такой смысл считывается с его лица по завершению наведения порядка.

Дополнительным интересным моментом, который может иметь двоякое объяснение является то, что такие действия анального характера, которые относятся к наведению чистоты, могут выражать не только область действий, в которой ребёнок видит возможность взаимодействия, но и позитивное отношение к либидозному объекту, который всё же остаётся любимым и которому, в силу определённого уровня эмпатии, ребёнок стремится доставить удовольствие. По всей видимости, именно такая противоречивая позиция является основой поведения анального характера со стороны действия принципов психического.

В данном контексте необходимо также заметить, что контроль поведения ребёнка начинает осуществляться не только матерью (либидозным объектом), но и отцом, и другими членами семьи, ограничения со стороны которых ребёнок рассматривает как нечто неприемлемое и недопустимое. Ибо создаваемые ими субъективные ограничения, по мнению ребёнка, могут, хотя вызывают протест, происходить только из реальности «мать», ограничения же из реальности «мир» должны быть объективными. Наиболее вероятно, что именно поэтому впоследствии ребёнок становится способен создавать либидозные связи с другими субъектами. Потому, что на основе их субъектив-

ного вмешательства в его мир, младенец начинает отождествлять их с матерью.

Таким же путем поддаются интерпретации стремления исследуемого характера к торжественности, компульсивность, жадность, ворчливость и угрюмость. В этих случаях, правда, уже частично отпадает возможность связать отрицание непосредственно со способом отрицать свойственным ребёнку на втором году жизни и требует более высокого смыслового уровня развития сознания. Торжественность в восприятии анального человека является подтверждением возможности всемогущества, это своеобразная поддержка тому неподвижному стремлению отрицать реальность и настаивать на желании существовать в своём «идеальном», с точки зрения удовольствия мире. Когда человек видит общественное признание чьих-то достижений (а в особенности своих собственных), своеобразный акт преклонения и уступку воле одного человека, это должно возрождать в его памяти ощущения всемогущества оставленного постепенно за два этапа становления принципа реальности. Такая зависимость от постороннего признания, возможно, оказывает и противоположный эффект и заставляет человека быть компульсивным, консервативным, сдерживать себя в контактах с окружающим миром, которые могут спровоцировать негативную оценку, что для анального характера будет являться ударом по его надуманному всемогуществу. Таким образом, человек становится безынициативным, требует от себя постоянного просчитывания и планирования, чтобы «не ошибиться ни в коем случае», чтобы всё было предугадано и не возникло ситуации, в которых может упасть его общественная оценка. Это не только преграждает путь к возможному унижению, но и создаёт иллюзорное ощущение собственной достаточности и активного самосовершенствования (продвижения или возвращения к всемогуществу) именно в сфере порядка и дисциплины, которые относятся к той области, в которой, по мнению ребёнка, он может что-то доказать. В связи с этим жадность можно понимать опять же двояко: как развитие и распространения компульсивности на все жизненные аспекты, что всё же маловероятно, и как символ непокорности и отрицания, который противоборствует и самому принципу удовольствия. Данное допущение является одним из наиболее важных в наших интерпретациях, ибо является своего рода самодоказательством и аксиомой для нашей описываемой трактовки. Если потребность и стимул к отрица-

нию исключительно сильны (как в случае анального характера), то психологическое удовлетворение человек получает от самого акта отрицания и удовольствии, получаемое от энергетического цикла напряжение-разрядка, заменяется удовольствием от очередного протеста, в случае анального характера физиологически это выражается удержанием каловых масс или невозможностью закончить половой акт. Индивид отрицает ради психологического удовольствия то наслаждение, которое он может получить физиологическим путём.

Из этого замечания развивается две идеи. Во-первых, такого рода объяснение акта удержания и жадности является на наш взгляд, более естественным, чем классическая трактовка, во-вторых выдвигается вопрос о количественных характеристиках силы и интенсивности влечения в зависимости от момента и вида его происхождения. Ведь данный случай показывает, что принцип удовольствия в его естественном выражении как биоэнергетического цикла уступает своему новому и, по сути, извращенному выражению как тотальному отрицанию и протесту. Таким образом, мы делаем ещё одно достаточно смелое предположение, что сознание, чья роль в генерировании влечений ранее не рассматривалась, само создаёт противоречивые самому себе влечения и стремления, которые в порядке возникновения «наращиваются» сверху на влечения продуцируемые бессознательным. Собственно, не следует забывать и о том, что сознание, по своему происхождению, едино с бессознательным и сочувствует его целям.

2.3. Оральный характер. Замечания и интерпретация

Более простой трактовке поддаётся оральный характер, который проявляется преимущественно в крайнем инфантилизме, отсутствии агрессии, отсутствием представлений о принадлежности вещей, постоянным пребыванием в грёзах и мечтаниях, слабой энергетизированностью. Традиционно в качестве фактора, обуславливающего развитие данных черт характера, выделяют комплекс взаимоотношений между матерью и ребёнком в период кормления грудью, в особенности в момент отнятия от груди, или отсутствие этого периода. Усиленное эмоциональное переживание, связанное с отнятием от груди, происходит, если этот момент наступает для ребёнка неестественным для него самого, насильственным путём, что может быть вызвано множеством факторов. В связи с этим у

ребёнка сохраняется впечатление о том, что он был брошен, насильственно лишён удовольствия. В силу этих впечатлений у него генерируются соответствующие симптомы. Жизнь в грёзах, символизирующая фиксированное впечатление, что рядом всегда должен быть удовлетворяющий либидозный объект, отсутствие агрессии в силу «недокормленности» и т.п. В данном случае, не наблюдается особенных замечаний в отношении трактовки с позиции психосексуального развития, однако по-прежнему существует неоднозначность, позволяющая предположить иную интерпретацию симптомов. Особенно же внимание следует уделить моменту объяснения отсутствия агрессивной позиции и людей орального характера. Не столь очевидно, что ясное ощущение «недокормленности», приводящее к слабой энергетизированности служит объяснением отсутствия агрессии. Хотя в малой мере, но убедительным, является то, что в состоянии голода уже взрослый человек, наоборот, часто впадает в достаточно агрессивное эмоциональное состояние. Не очевидным также является рассуждение об обиде и агрессии как о двух качественно различных состояниях, замечание о чём будет сделано ниже.

Возвращаясь к разрабатываемой нами гипотезе, мы предлагаем следующую интерпретацию. То время, в которое ребёнок отлучается от материнской груди, можно рассматривать как момент, когда конфликт между принципом реальности и принципом удовольствия встаёт особенно остро, по причине различных обстоятельств (слишком раннее предъявление субъективных требований, заставляющее ребёнка сразу капитулировать перед реальностью к позиции простого невосприятия, или слишком позднее, которое позволяет принципу удовольствия укорениться слишком глубоко), ребёнок и не фиксируется на этом конфликте, и не разрешает его, а просто остаётся уверен в непоколебимости принципа удовольствия.

В сущности, отлучение от груди необходимо рассматривать, как момент первого ознакомления ребёнка с ограничением, исходящим из мира «мать», соответствующего принципу удовольствия психических событий. Мы не стали выделять этот период жизни в качестве второго этапа формирования принципа реальности, потому что он является промежуточной ступенью в развитии ребёнка, формирующей агрессивную позицию, но всё ещё без возможности обратной связи, в отличие от момента когда ребёнок обладает навыком смыслового отрицания. Только в последующем,

обладая этой способностью, он проживает второй этап формирования принципа реальности. И всестороннее участие в этой ситуации (его обратная связь) делает этот этап особенно важным, создаёт риск фиксации.

Возвращаясь к описанию орального характера, продолжим, что следствием такого неполноценного проживания конфликта является постоянная уверенность в наличие объекта-добродетеля (как проекция либидозного объекта), который, по убеждению орального, человека будет о нём заботиться). Все желания удовлетворяются вне соотношений с правами и желаниями других людей, ибо эти ограничения носят также субъективный характер. Особенно важным пунктом является отсутствие агрессии, которое имеет место потому, что возникающий конфликт является также и основой к продолжительному формированию агрессивной реакции в принципе. Если же ребёнок выходит из описываемого конфликта почти мгновенно, то агрессивная позиция не успевает сформироваться, это приводит к относительно низкому уровню энергетизированности организма. Используя специально приведённую модель, можно сказать, что две реальности в сознании ребёнка успешно синтезировались, но в следствии быстрого прекращения конфликта с реальностью, этот синтез привёл к формированию неадекватной позиции у ребёнка, в которой реальность (мир без либидозного объекта) допускает в себе понятие всемогущества и свободной реализации принципа удовольствия.

Таким образом, используемая нами модель может иметь 3 варианта конечного результата: оральный характер — синтез реальностей соответствующих принципу удовольствия и принципу реальности и неестественное, одновременное их допущение; анальный характер — фиксация на проживании конфликта с субъективными требованиями либидозного объекта, выраженная в символическом протесте; генитальная — благополучное разрешение конфликта в пользу принципа реальности и формирование необходимых черт характера.

3. Следственные предположения о динамике развития психической структуры

3.1. Сознание и влечения

Сознание, исходя из моделей З. Фрейда приводимых в работе «Бессознательное», возникает

под воздействием избыточного и опасного для организма внешнего влияния окружающего мира. К третьему месяцу жизни ребенок приобретает своё физическое самосознание. Это новообразование соответствует первому этапу становления принципа реальности в нашей модели. Важно заметить, что сейчас понятие внешнего мы принимаем относящееся ко всему, что лежит вне «области» существования бессознательного, отсутствие его в чистом виде и определяет понятие внешнего для человека. Стало быть, сознание, являющееся «фильтром» взаимодействия внешнего и бессознательного является одновременно и внешним, то есть влияние, оказываемое им на судьбы влечений оно (сознание), исходя из природы своего возникновения и назначения, должно рассматривать двойственно.

На первом этапе, когда в качестве внешнего влияния выступают ограничения механического взаимодействия с внешним миром, сознание оценивает само себя исключительно как «фильтр» и необходимую для самосохранения структуру, вынужденно ограничивающую бессознательное в реализации принципа удовольствия. Во втором же случае, когда в качестве внешнего влияния выступает воля постороннего субъекта, сознание видит источник негативного влияния в себе самом, ибо влияние постороннего субъекта осуществляется посредством использования его самого, сознания.

Этот эффект может иметь достаточно значительное влияние на развитие и формирование в дальнейшем сознания и всей психики. Мы же остановимся на двух гипотетически особо важных моментах. Первый — для сознания собственное существование является негативно окрашенным, ибо предназначенное, чтобы гармонизировать реализацию принципа удовольствия с окружающими ограничениями в пользу удовольствия и с минимальными потерями для него, оно само является источником ограничений т.к. допускает дополнительное специфическое воздействие других субъектов. Здесь необходимо отметить, что при реализации каких либо циклических, колебательных движений (образ моторики которых был нами отмечен как имитация детского способа отрицания) дети, как и взрослые люди при достаточной длительности такого образа действий погружаются в определённого рода «отсутствующее» состояние, находясь в котором они весьма пассивно и не с первого раза обращают внимание (сознание) на даже целенаправленные

попытки других субъектов и объектов на взаимодействие с ними.

От данного пункта мы можем приблизиться к уточнению, до этого момента, немного подзрительных и непонятных выражений о взаимодействии принципов реальности и удовольствия, о воздействии их на влечения и прочее. Их употребление могло создать видимость того, что мы оцениваем их как дополнительные психические структуры, однако всё сводится, классическим образом, к взаимодействию двух базовых структур, с той разницей, что нам понадобилось точнее разобрать, как воспринимаются эти взаимодействия этими же структурами по отношению друг к другу и к самим себе, т.к. природа их происхождения едина.

Возвращаясь после отступления к предпоследнему абзацу, отмечаем, что суть симптомов анального характера разворачивается дальше, на более фундаментальный уровень. Отрицание, заключающееся в моторике и действиях людей с такой психической конструкцией, является, собственно, отрицанием на смысловом уровне в определённой сфере деятельности, предназначенное как любой другой симптом к аффективной разрядке бессознательного влечения. Однако здесь преследуется и большая цель: временное свержение сознания как источника тех воздействий, которые устанавливают нежелательный бессознательным принцип реальности на его втором этапе. Данное утверждение, правда, весьма заносчиво, но не без шансов на существование.

Разумеется, люди анального характера, совершая свои действия не находятся в постоянном трансе, отрезающим их от воздействий внешнего мира, они взаимодействуют и достаточно активно. Однако это происходит вероятнее всего просто из необходимости, которая задаётся формой и темпом жизни зрелого человека. Хоть обсуждаемые действия и не «отключают» человеческое внимание (сознание), но они, как правило, «разгружают» его т.к. носят автоматизированный или монотонный характер, а та часть, которая остаётся активной, заполняется какой либо одной мыслью или идеей, на которой человек фокусируется. Варианты состояний, к которым придвигается человек во время монотонной, повторяющейся деятельности довольно велико, но все характеризуются разгрузкой и упрощением работы сознания, а по возможности все же и его «отключением», когда происходит своего рода оцепенение и реакция на внешний мир действительно отсутствует. Должно

быть, весьма характерно, что у детей мы можем наблюдать это состояние чаще чем у взрослых, даже без сопровождения его монотонной деятельностью. Их сознание хотя и активнее, ибо находится в процессе развития, но менее «закреплено» в этом состоянии активности и меньше усложнено всяческими латентными процессами (например, тревогой) какие характерны для взрослых людей, и которые способствуют удержанию сознания в активном состоянии.

Если же мы говорим конкретно о симптомах анального характера, то нужно учитывать и тот факт, что во время его деятельности он совершает одновременно и аффективную разгрузку, и поэтому эффект своеобразной самоликвидации сознания здесь затруднён параллельной активацией сознания аффектами. Однако не стоит отказываться от такого рода синтеза побуждений исходя из их противоречий, ибо противоречие также должно быть синтезировано в эту связь как основа конфликта психики. Ведь, условно говоря, и наши выводы относительно одновременной имитации человеком смысловых отрицаний (монотонная активность) и стремлением отрицать именно сознание, и воздействия им порождаемые, а именно ограничения, активизирующие второй этап становления принципа реальности, так же противоречивы, ибо смысловое отрицание является продуктом самого сознания. И всё же противоречивы процессы, но не умозаключения.

Дальнейшим особо смелым и уж совсем гипотетическим, однако не менее интересным, является развитие вопроса в отношении влечения к смерти. Оно, как известно, было обосновано З. Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» как стремление энергии пребывать в равновесном, упорядоченном состоянии и представляет собой, своего образа, тотальную разрядку, обеспечивающую наибольшее удовольствие и возвращение к более статичному, инертному и трудновозбудимому состоянию. Весьма трудно, да и нет особых оснований стремиться опровергнуть и отклониться от этого предположения. Однако неразумно было бы оставить без внимания бросающийся в глаза тот факт, что сознание, собственно человеческое Я, также имеет все основания стремиться к самоуничтожению, исходя из противоречия своей природы, своих функций и свойств. То есть влечение к смерти, возможно, имеет основу не только в бессознательных природных влечениях, но и в новообразованиях приобретаемых организмом по мере развития. Таким образом, Я человека может

содействовать влечению к смерти, не только исходя из стремления по возможности удовлетворять желания Оно, проявление чего мы, в принципе, в отношении влечения к смерти замечаем достаточно редко, (всё таки, его первичная функция — функция самосохранения, и удовлетворение этого желания противоречит его назначению и природе), но и исходя из собственного, практически независимого от Оно, стремления, стремления выполнять наиболее полноценно всякую свою функцию. Возможно, в различных случаях решающим для смерти импульсом служат различные источники стремлений: в случае неловкого движения приведшего к летальному исходу, можно сослаться на Оно как на источник решающего импульса, в случае же спланированного суицида стоило бы искать причину в импульсах Я.

Несмотря на то что, суицид, как и любая другая невротическая реакция, характеризуется сужением сознания, сознанию в этом действии оставляется решающая роль. При чрезвычайном суждении, оно также проявляет чрезвычайную импульсивность и выносливость в отношении идеи самоубийства. На первый взгляд, может показаться, что это обусловлено именно зауженностью, ведь для определённого объёма психической энергии поле её деятельности сужается. Однако почему же это не вызывает интенсивное продуцирование контркатексисов, которые бы оградили человека от такого рода стремлений? Значит энергия либо просто исчезла, что абсурдно даже в своей формулировке, либо сонаправилась с влечениями Оно. Причём эта сонаправленность была вызвана не родственной природой и желанием удовлетворить потребность Оно, а собственным импульсом Я, который ранее уступал место первенства стремлению к самосохранению. Но, исходя от наших предположений, у человека может сложиться жизненная ситуация, временно дающая стремлению к смерти, исходящему из Я, заручиться поддержкой бессознательного и заставить «забыть» индивида о стремлении к самосохранению.

Таким образом, сознание освобождает огромное количество своего энергетического потенциала, ранее используемого для цели самосохранения, оставляя перед собой одну цель с Оно. Единственным сопротивлением в этом процессе становятся стремления Я выполнять и другие свои функции и стремления, которые, вероятно, при продуманной выборке и используются специалистами при работе с людьми, обладающими такими наклонностями. То есть профессионал, хоть, возможно, и,

руководствуясь несколько другими основаниями, обращает внимание пациента, на противоречия между действиями и целями, им поставленными, и в итоге добивается возобновления конфликта психических структур и занятости другими аспектами жизни.

Говоря о развитии гипотезы относительно природы стремления к смерти в различных жизненных ситуациях, тема чего, конечно, требует намного больших масштабов исследования и теоретической обработки, чем сделано в этой работе лишь в качестве обозначения возможного пути развития теоретического наброска, сразу становится очевидной её практическая значимость в тех жизненных условиях, которые предоставляет человеку современность.

3.2. Роль конфликта в развитии функций сознания

Дальнейшим пунктом нашего исследования является то, как становление принципа реальности отражается в развитии психических функций детей и взрослых. Как влияет на это каждый этап становления принципа реальности, какую эмоциональную и личностную оценку в отношении реальности можно было бы назвать удачной и способствующей развитию ребёнка, амбициям взрослого и т.п. К этому вопросу, вероятно, удобнее подойти с той же позиции, с какой это сделал Д.Б. Эльконин, выделяя и характеризуя выделенные им периоды развития. А именно с позиции исследования мотивации развития, которая возникает в ходе деятельности по Эльконину, или в ходе становления и усвоения принципа реальности, исходя из наших предположений. Такое замечание рождается самостоятельно, исходя из простых логических набросков о том, что именно конфликт и неудовлетворённость побуждают человека к деятельности. Конфликт двух реальностей, динамику которых мы рассматривали в первой главе, и который в последствии привёл к созданию устойчивой установки (отношения) к миру и его ограничениям, собственно, задаёт импульс к развитию. Этот факт находит полное, вероятно интуитивное, соответствие в тех выражениях, которые говорят о деятельности человека, как о преобразующей реальность. То есть предположение о стремлении преобразовать реальность и тем самым разрешить конфликт двух принципов является, своего рода, необходимым условием для деятельности и стимулом для освоения и развития навыков.

Хотя сам конфликт не осознаётся постоянно, однако сознание всегда стремится к его разрешению в виде компромисса или открытой борьбы, которая, вероятно, приводит к более острым психическим заболеваниям рассматриваемым психиатрией. Под компромиссом мы подразумеваем мобилизацию психических сил, которыми располагает Я человека для удовлетворения влечений Оно. Однако мы не ушли бы дальше классической теории, которая описала это взаимодействие бесчисленное множество раз, в различных контекстах и терминах, если бы не следующее. Мы хотим предположить возможность установить зависимость между степенью сохранения конфликта и мерой притязания интеллектуального развития у ребёнка. Не имея возможности рассматривать предположение подробно, установим только факт того, что абсолютное разрешение конфликта в пользу принципа реальности, вероятно, стимулирует к развитию не многим больше чем обратное разрешение вопроса. Если человек безоговорочно принимает (что является, естественно, только моделью) условия реальности, он ничем не отличится от любого другого вида животного, приобретающего только необходимые для выживания навыки. Очевидной является необходимость сохранения непримиримости в этом отношении. И даже при проведении более детального исследования, вряд ли удастся установить некую универсальную пропорцию, выражающую наиболее удачный «уровень непокорности». Ибо слишком много дополнительных факторов развития, которые постоянно будут изменять значение недовольства и непокорности от творческого потенциала к бесцельной мечтательности и значение смирения и уступчивости от волевого усилия к глупой покорности.

То есть человек, например, целиком и полностью посвящающий себя исследованиям определённой научной сферы должен одновременно и подвергаться воздействию принципа удовольствия, чтобы он был стимулирован и достаточно гибок в мыслительном плане, и защищаться от этого воздействия, чтобы мечтательность с абсолютно некритическим подходом к фантазированию не подавила его стремление к деятельности. Причём защищаться от этого ему позволяет именно принцип реальности, который также в своих крайних проявлениях может привести человека к позиции агностицизма, скептицизма, заложить в нём компульсивность и стереотипное мышление.

Предшествующими предложениями, по возможности, была выражена вся глубина и тонкость вопроса в отношении влияния становления принципа реальности на развитие высших и низших психических функций и интеллекта в целом, а главное показана возможная перспектива изучения вопроса. Эти замечания также были сделаны потому, как являются дополнительным обоснованием к попытке связать с конфликтом двух принципов черты анального и орального характеров.

Эти варианты «результатов-пропорций» процесса становления принципа реальности имеют свои соответствия в различных характерах, описываемых классическими психоаналитическими теориями, рассматривающими развитие через призму психосексуального развития. Оральный характер содержит в себе пассивную позицию по отношению к самостоятельному преобразованию действительности, в сочетании с некритичным мышлением и любовью к фантазиям. Вместе с тем позиция может создавать образ активной, однако активность будет направлена на исключительное поглощение жизненных дарований и, в следствии этого, часто проявляться деструктивно по отношению к другим объектам, что гипотетически может найти соответствие в выделении К. Абрахамом орально-садистского характера. Компульсивная жизненная позиция и ригидное мышление, являются выражением анального характера. Активная позиция в отношении преобразования окружающей действительности может проявляться и здесь, однако также она будет отягощена излишней «законопослушностью» и отсутствием творческого хода мысли, что сделает эту активность непродуктивной и формальной. При дальнейшем разрешении процесса становления принципа реальности психических событий происходит безоговорочное принятие активной позиции с определённым уровнем критичности мышления, который, надо полагать, имеет исключительно сильный допустимый разброс значения, однако дифференцировать эти границы и выделить в жизни проявления установившихся результатов становления принципа реальности к данному моменту развития (после 2-х лет) чрезвычайно трудно, т. к. начинает действовать и проявляется множество других факторов развития и новообразований психики, которые снимают с процесса становления принципа реальности доминирующее значение. И хотя множество авторов уже не связывали уровень свободы поведения, наличие или отсутствие инициативы и другие подобные

черты с избыточно (недостаточно) строгим воспитанием, мы показали два варианта возможного формирования этих черт, которые связываются с процессом становления принципа реальности на различных его этапах. Один, апеллирующий к фиксации на неразрешении конфликта в процессе становления, второй – к определённому соотношению сил в этом конфликте.

Небольшое замечание в предыдущих абзацах относительно психиатрических расстройств было сделано на том основании, что некоторые патологии характеризуются чрезмерным развитием либо интеллектуальной, либо эмоциональной сферы активности ребёнка, в дополнение к специфическому восприятию реальностей. Очевидным образом шизофрения наиболее часто является ярким отражением этих двух положений. Вопрос о генетической передаче болезней такого рода, который вроде бы сразу отвергает данную идею, стоит, вероятно, отнести к по сей день неразрешённому ни в малой мере вопросу о механизме взаимодействия (если такое имеется) между психическим и физиологическим. Но эти вопросы находятся на данный момент, вероятно, в области компетенции психиатров.

3.3. Замечание о гипотезе возникновения религии

Приближаясь к завершению, интересно было бы рассмотреть ещё один аспект научных исследований З. Фрейда, относящихся к вопросу о роли и значении религии в культуре и о динамике их развития. В своих трудах учёный обосновывает положение о том, что религия является, своего рода, духовным воплощением наиболее древнего конфликта, закономерно возникающего в древних человеческих обществах. Конфликт праотца и массы, который изначально привёл человечество к тотемизму, а затем через стадии пантеизма и язычества воплотился в современных религиях мирового масштаба. В этом рассмотрении З. Фрейд исходил из первичности межличностного конфликта, который затем «одухотворил» конфликт с природой по своей аналогии и привел к возникновению понятия бога (символического праотца, олицетворяющего отношения трепета, преклонения и способность защитить). Изначально бог связывался с природой, по мнению З. Фрейда потому, как перед природой древний человек – впрочем как и современный – благоговел, трепетал и нуждался в защите от неё, искал возможность её контролировать.

Здесь стоит сделать интересное замечание о том, что люди, живущие в текущем XXI веке, но по образу древних: индейцы, папуасы, аборигены — все они, сохраняя пантеистические или языческие мировоззрения, сохраняют, как показали экспедиционные исследования таких групп, и неспособность к свободному абстрагированию даже во взрослом периоде жизни. При необходимости любой из этих людей сможет пройти через запутанную чашу или горный лабиринт, не сбившись ни разу с дороги, но никто из них не сможет нарисовать карту или схему пути. Эта неспособность возможно определила и то, что бог и природа остались в значительно более крепкой взаимосвязи. Или же то, что исследование Фрейда пошло неверным путём, ибо трудно определить реальную роль интеллектуальной способности в формировании религии, а в том числе и её необходимый уровень. Ибо, хоть и в меньшей мере, но навык абстрагирования присутствует и у людей, сохранивших древний образ жизни.

Возвращаясь к начатому вопросу, отмечаем, что описываемый нами конфликт двух реальностей «мир» и «мать» или используя привычное выражение становление принципа реальности, есть момент в жизни человека несколько более ранний, относящийся ко второму году жизни. И к тому же менее конкретный в своём объективировании, чем конфликт родителя и ребёнка одного пола. Конфликт, описываемый основателем психоанализа, опирается на генитальное развитие с включением полноценной агрессивности. Тот факт, что бог преимущественно представляется в образе соответствующем образу отца, как среди мировых, так и среди языческих религиозных культур, и значительно реже представляет из себя неопределённую абстракцию некой силы, даёт такой трактовке действительное преимущество. Однако факт существования различных мировоззрений, апеллирующих к действию неких неопределимых энергетических формаций — к примеру понятие Беспредельного Духа или Ом («нерождённая мудрость»), обычно представляемых какой либо йогической школой, должен указывать на существенную роль в формировании религии, которую предположительно играет именно конфликт более ранний и более абстрактный, выраженный нами в вышеизложенных исследованиях. И если данное допущение не опровергается, то роль становления принципа реальности должна быть определена и в возникновении религиозных мировоззрений любой формы.

Заключение

В данной исследовательской работе была рассмотрена новая возможная модель детского взаимодействия с окружающей средой, заключающаяся в изначально несвязанном переключении двух реальностей, одна из которых соответствует принципу удовольствия, вторая, утрачивающая это соответствие по мере развития взаимодействия ребёнка с миром. Была рассмотрена динамика и взаимодействие элементов такого восприятия и сделано обоснованное разделение становления принципа реальности на два этапа, соответствующие 3-му и 15-му месяцам жизни ребёнка соответственно. Далее были выделены формы выражения отрицания и конфликта в условиях становления принципа реальности с учётом физических возможностей ребёнка.

Основываясь на возрастном соответствии второго этапа становления принципа реальности и периодом возможного формирования анального характера, мы произвели параллельный анализ симптомов и особенностей поведения ребёнка в этом возрастном периоде и носителя анального характера, предложив новую, дополняющую классическую интерпретацию симптомов и особенностей поведения, основав её на материале ранее исследованных форм выражения конфликта.

Далее наша гипотеза была использована для выявления новых, возможных особенностей функционирования психики, в частности формы существования влечения к смерти, имеющего в качестве своего источника как бессознательное, так и сознание; формирование мотивов развития творческого и практического мышления и интеллектуального уровня в целом, исходя из уровня эмоционального переживания конфликта, и возможной предпосылки к тяжёлым психиатрическим заболеваниям. Также было сделано предположительное уточнение теории З. Фрейда о происхождении религии, основанное на обращении внимания на роль исследуемого конфликта в этом вопросе, который является более ранним по своему происхождению в процессе онтогенеза.

Также в данной работе были сделаны некоторые теоретические наброски возможного дальнейшего развития вопроса, как в теоретическом, так и в практическом отношении, требующего гораздо более масштабного исследования и эмпирического материала.

Список литературы:

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 232 с.
2. Гун А.К. Математическая логика и теория алгоритмов: учебное пособие. Омск: Наследие; Диалог-Сибирь, 2003. 108 с.
3. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов. СПб: Питер, 2011. 583 с.: ил.
4. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник. М.: Юрайт; МГППУ, 2011. 460 с.
5. Гуревич П.С. Практическая психология для всех: Клинический психоанализ. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2007. 512 с.
6. Фрейд З. Бессознательное / Пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический Проект, 2007. 230 с.
7. Фрейд З. Будущее одной иллюзии / Пер. с нем. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 192 с.
8. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
9. Фрейд З. Положение о двух принципах психического события / Пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / Пер. с нем. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 192 с.
11. Фрейд З. Я и Оно / Пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
12. Шпиц Р.А. Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001. 159 с.
13. Klein M. Contributions to Psycho-Analysis (1921-1945). L.: Hogarth Press, The Institute of Psycho-Analysis, 1948.

References (transliteration):

1. Boulbi Dzh. Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazey / Per. s angl. V.V. Starovoytova. 2-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 232 s.
2. Gun, A.K. Matematicheskaya logika i teoriya algoritmov: uchebnoe posobie. Omsk: Nasledie; Dialog-Sibir', 2003. 108 s.
3. Maklakov A.G. Obshchaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov. SPb: Piter, 2011. 583 s.: il.
4. Obukhova L.F. Vozrastnaya psikhologiya: uchebnik. M.: Yurayt; MGPPU, 2011. 460 s.
5. Gurevich P. Prakticheskaya psikhologiya dlya vsexh: Klinicheskij psikhoanaliz. M.: OLMA Media Grupp, OLMA-PRESS Obrpzovanie, 2007. 512 s.
6. Freyd Z. Bessoznatel'noe / Per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 230 s.
7. Freyd Z. Budushchee odnoy illyuzii / Per. s nem. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 192 s.
8. Freyd Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya / Per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 230 s.
9. Freyd Z. Polozhenie o dvukh printsipakh psikhicheskogo sobytiya / Per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 230 s.
10. Freyd Z. Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «Ya» / Per. s nem. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 192 s.
11. Freyd Z. Ya i Ono / Per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 230 s.
12. Shpits R.A. Psikhoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.: PER SE; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. 159 s.
13. Klein M. Contributions to Psycho-Analysis (1921-1945). L.: Hogarth Press, The Institute of Psycho-Analysis, 1948.